

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ, великий князь

Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Единственный роман императрицы

<Фрагмент>

<...> Вовлеченный в борьбу с Наполеоном Австрией, Александр покинул Петербург в сентябре 1805 года. Императрица Елисавета с беспокойством следила за ходом кампании, оставаясь, по обыкновению, в полном одиночестве. Столица была пуста — вся гвардия отсутствовала, принимая участие в злополучном походе. Отдельные офицеры частей, занимавшие хозяйственные должности, по роду службы своей, оставались при казармах ушедших полков. В числе их, вероятно, находился также полковой казначей Кавалергардского полка, штабс-ротмистр Охотников¹, так как когда, по окончании кампании, были розданы награды, то таковые получили все офицеры полка, кроме него. Возможно, что по роду службы, как казначею, ему приходилось иногда выезжать из столицы в действующую армию для раздачи жалованья и снова возвращаться в Петербург. Вероятно, именно за этот период Елисавета имела случай часто видеться с увлекшимся влюбленным офицером, но общение должно было продолжаться и по возвращении гвардии из похода. Александр все более удалялся от своей супруги, и красивая полька, Мария Антоновна Нарышкина, вполне завладела сердцем юного монарха. Таково было положение после Аустерлицкой катастрофы.

Надо себе уяснить душевное состояние Елисаветы Алексеевны за этот период. Оставленная мужем, бездетная, как бы покинутая всеми родственниками, раздражаемая недоброжелательством императрицы-матери, Елисавета тяготилась жизнью и одиночеством. Где и у кого было искать ей удовлетворения?! Сестра Амалия², взбалмошная, пустая, занятая сплетнями и кокетством со многими, только раздражала Елисавету. Состоящая при ней княгиня Наталия Федоровна Голицына³, по-видимому, немало способствовала сближению императрицы с молодым кавалергардским офицером, а если, с другой стороны, обратиться к письмам, получаемым от матери —

маркграфини, то в них мы найдем только упреки молодой женщине в неумении привлечь к себе Александра и укоры, что у нее до сих пор нет желанных детей. Все это, вместе взятое, должно было сильно влиять на нравственное состояние императрицы. Вероятно, оно и повлияло на дальнейшее. Елисавета родила дочь 3 ноября 1806 года. Охотников был тяжело ранен при выходе из Большого театра кинжалом в спину за месяц до этого, т. е. в ночь с 4 на 5 октября. Известно из журнала гувернантки-француженки, пребывавшей в доме Охотниковых, что императрица посетила раненого, что свидание с умиравшим было очень трогательно. Вот и все.

Никакого следствия по поводу поранения Охотникова не было. Старались заглушить это дело и дать повод предполагать, что была дуэль. Более посвященные в тайну говорили, что инцидент этот произошел под влиянием цесаревича Константина Павловича. Охотников скончался 30 января 1807 года, следовательно, два месяца спустя после родов императрицы. Посещение состоялось за несколько дней до его кончины. Достоверно, что императрица соорудила памятник на могиле погибшего с согласия его же семьи, что памятник был поставлен шесть месяцев спустя после его кончины. Памятник из мрамора существует и поныне. Он изображает плачущую женщину на скале с урной; и рядом находится разбитое молнией дерево. Насколько все это происшествие прошло незамеченным в те, минувшие дни, видно уже из того, что нигде в мемуарах или письмах современников не упоминается о нем, или только вскользь, в виде “*faits divers*” (отдела происшествий). Если современники изоцрялись наложить тень на доброе имя Елисаветы, то назывались совсем другие фамилии, вроде Платона Зубова или Адама Чарторыжского, но никто не говорил и не знал про существование кавалергардского офицера. Только после кончины самой императрицы в 1826 году, в Белёве, эти разговоры могли возобновиться, и то в среде лишь некоторых лиц, которые могли делать свои предположения на основании оставшихся после кончины Елисаветы бумаг. Известно из дневника императрицы Александры Федоровны⁴, что была привезена из Белёва шкатулка и что в ней находился дневник Елисаветы. Кроме того, в Петербурге, при разборе вещей государыни, была найдена другая шкатулка, где находились все записки Охотникова, его волосы, миниатюра, а также другая миниатюра — умершей дочери Лизаньки. Дневника, привезенного из Белёва, никто, кроме Николая Павловича, не читал, и его величество лично сжег его. Что же касается записок Охотникова, то Николай Павлович сообщил о находке матери, пребывавшей тогда в Москве, дал их прочесть супруге своей и после этого сжег все найденное, не исключая и миниатюры. О первом факте сожжения есть

еще свидетельство графини Алопеус^{5*} (о втором повествует дневник императрицы Александры Федоровны. Весь этот эпизод сводится к тому, что несомненно был роман, что увлечение было обоюдное, что роман продолжался лишь недолго, так как влюбленный погиб преждевременно, что горе женщины было чистосердечное. Во всяком случае, Елисавета показала много сердца и души, решившись на посещение раненого, но все было сделано настолько скромно и скрытно, что никто из современников об этом не знал.

Во всю тяжелую жизнь императрицы это было ее единственное серьезное увлечение, но и здесь судьба была к ней жестока, и настолько, что наложила неизгладимое впечатление на ее дальнейшую жизнь. Смерть не пощадила не только Охотникова: в сентябре 1807 г. умерла также и княгиня Н. Ф. Голицына, дочь императрицы скончалась летом 1808 года, а в 1810 году умерла и маленькая дочь Голицыной, на которую Елисавета перенесла все свои чувства и заботы. До нас ничего бы не дошло обо всем этом романе, кроме самых смутных слухов, если бы Елисавета Алексеевна успела сжечь злополучные лоскутки бумаги. И непонятно, каким образом она упустила случай предать все забвению, тем более что, по свидетельству секретаря ее Н. М. Лонгинова⁶ и фрейлины Валуевой, императрица сожгла много писем в Таганроге после кончины Александра. Она не только не сожгла всех писем, но дневник свой завещала Н. М. Карамзину, российскому историографу, как бы желая, чтобы вся правда была известна потомству. Шкатулка с записками Охотникова была оставлена в Петербурге в Зимнем дворце, несмотря на отъезд императрицы в далекое путешествие при крайне расстроенном здоровье. Казалось, Елисавета как будто сама желала, чтобы после ее кончины все стало известно, и она бы предстала перед судом истории такою, какою она была в действительности (Князь А. Н. Голицын говорил, что Карамзин ему не раз сказывал, что Елисавета читала ему часто свой дневник вслух и, когда встречались места слишком интимного свойства, передавала тетрадь Карамзину, который молча читал означенные страницы дневника).

Но император Николай рассудил иначе и уничтожил все следы знакомства с Охотниковым, не исключая и его миниатюры, причем

---

* Подтверждение факта сожжения было мне сообщено 21 марта 1898 г. покойной графиней А. П. Алопеус, рожденной баронессой Фредерикс. Мать ее была гофмейстериной. Графиня, будучи девочкой, помнит, как во время игры в покоях государыни Александры Федоровны приехал фельдъегерь и привез что-то. Помнит она, как волновались государь и государыня, ходили по комнате, беседовали громко, а главное, в ней запечатлелось именно то, что произошло потом. Государь подошел к камину и бросил связку бумаг, а дети смотрели, как они горели. Случай этот произошел в 1826 г. (*Примеч. в. к. Николая Михайловича*).

имел неосторожность показать записки Охотникова своей супруге, которая, заносая все в свой дневник, переписала несколько копий любовных записок, не оставляющих более никакого сомнения в существовании связи, хотя и недолгой, между Елисаветой и Охотниковым.

Не сохранись этого показания — все бы кануло в вечность. По нашему разумению, это кратковременное увлечение императрицы нисколько не умаляет ее симпатичного облика. Напротив того, увлечение это, столь страстное, более чем понятно. Ведь государыня была женщина, и притом молодая, неопытная, выданная замуж 14 лет от роду: жизни она не знала и знать не могла. Оставленная мужем, она наглядно, чуть не ежедневно, видела его измену и постоянно встречала предмет его любви — лукавую Марию Антоновну... Было от чего впасть в отчаяние и раздражение. И как часто бывает в таких случаях, в это самое время подвернулся молодой кавалергард, который влюбленно смотрел на Елисавету. От взоров перешло к знакомству. От знакомства к обоюдной любви и... вскоре к нелегальной, тайной связи. Да, Елисавета стала неверной супругой — это вне сомнения; но минуты счастья были столь непродолжительны: погиб насильственно и неожиданно Охотников, умерла и малолетняя дочь Елисаветы. Все пошло по-старому, и двадцать лет, т. е. до самой кончины своей, императрица более не помышляла о какой-либо любви. С годами она снова обнаружила влечение к своему супругу. Единственный, первый и последний роман был глубоко драматичен и навеки сломил женщину, которая в душе носила скорбь до гроба.

Остается только привести те выдержки из оставшихся документов, которые подтверждают все вышеизложенное.

Приводим из писем императора Николая к императрице Марии Федоровне следующие места:

30 июня 1826.

«В одном из ящиков стола в кабинете императрицы были обнаружены спрятанные связка писем и портрет О. Я предлагаю их сжечь, но прежде чем это сделать, я позволю себе испросить Ваше мнение, дорогая Мама, которое, я надеюсь, совпадет с моим. Эта находка нас удивила, так как мы полагали, что все, что было связано с этим делом, исчезло вместе с сожженным нами содержимым того ящика, где хранился дневник» *.

---

* Следовательно, сначала был сожжен императором Николаем дневник императрицы Елисаветы, привезенный в числе бумаг из Белева, а позже — письма Охотникова и его портрет (*Примеч. в. к. Николая Михайловича*).

12 июля 1826.

«Мы не обнаружили среди бумаг императрицы ничего, напоминающего последние распоряжения и завещания. Я весьма рад, дорогая Мама, что мое мнение совпало с Вашим в отношении писем императора к императрице; я их оставил в кабинете императора, где они будут лежать до Вашего возвращения. Я уничтожил письма и портрет О., о которых я Вам сообщал в моем последнем письме к Вам. Что касается передачи маркиграфу бумаг императрицы, мы посчитали правильным отделить все письма сестер, чтобы возвратить их ныне здравствующим, а с остальными поступить по Вашему усмотрению, дорогая Мама».

Императрица Александра Федоровна записала следующее в дневнике:

Петергоф. 15/27 мая 1826, вечером.

«Мне было известно, притом давно, о поведении императрицы Елисаветы; и хотя я твердо знала, все же оно всегда представлялось мне до такой степени немислимым, что казалось, будто я ошибаюсь, — лишь ей самой могла бы я поверить! — И что же узнаю я сегодня: она посвятила Карамзина! Так сказал этот почти умирающий человек А. Н. Голицыну. Так вот, она даже вела записки (Memoris) с описанием всех своих заблуждений и читала их ему целиком, за исключением некоторых деталей, которые, по ее словам, были настолько дурного свойства, что ни одна женщина не решилась бы прочесть подобное вслух. Ей также принадлежала мысль отдать эти записки на хранение Карамзину. Ну, зачем это и почему именно Карамзину такое доверие? Когда Ники сообщил мне сегодня об этом, сам же он был совершенно хладнокровен, — я просто в ужас пришла, потому что хотя здесь и нет ничего неизвестного, ничего нового, все же таится в этих признаниях такая непостижимая дерзость, которую никак нельзя объяснить.

Боже мой! И эту женщину вся Россия и Европа почитали за святую и безупречную, за невинную страдальницу и жертву! Теперь постоянно твердят “L’ange Elisabeth est allée rejoindre l’autre ange!” (Ангел Елисавета последовала за другим ангелом!). Неужели и те, кто придут после нас, не будут судить справедливее? Несколько человек все же знают об этом, а именно: А. Н. Голицын, Карамзин, все императорское семейство, за исключением Эллен⁷, которой никогда не открывали на это глаза и которая сейчас также оплакивает некий идеальный образ. Дважды *

---

* Упоминание о связи с князем Адамом Чарторыжским, которая никем не была доказана. В мемуарах графини Головиной и ее дочери графини Фредро встречаются прозрачные намеки, основанные на сплетнях. (Примеч. в.к. Николая Михайловича).

согрешить и скомпрометировать себя, будучи супругой столь молодого, любезного человека, имея перед глазами пример императрицы-матери, сумевшей сохранить такую чистоту в развратное и безнравственное царствование Екатерины, — вот почему ее труднее простить, чем других, тем более что она изменила первая.

Однако годы страданий, потеря этих внебрачных детей и так много несчастий можно, наверное, считать настоящей расплатой; он примирился с ней, он все простил, и мне следовало бы поступить так же, но для меня это было невозможно, чувство несправедливости слишком угнетало меня. — Теперь я не должна больше питать злобу: это действительно грех. Но все же Эллен нужно когда-нибудь узнать обо всем. Почему она всегда должна быть, словно чужая, в семье, и пребывать в неведении относительно столь важных дел, благодаря которым все прошлое видится иначе. Это будет болезненный удар, но все же необходимый.

Мишелю следовало бы ей сказать...»

«Елагин, 16/28 июня.

В воскресенье 13-го встречали мы тело императрицы Елисаветы в Чесме. Вид гроба расстроил меня все же больше, чем я ожидала! Бедняжка Мари была вне себя. Хотя я и ехала в карете, день въезда, позавчера, так утомил меня, что в церкви мне стало дурно и я едва не упала.

Все бросились помогать мне».

«Царское Село, 3/15 июля 1826.

...Ал. Н. Голицын доставил вчера Н. пакет писем, которые были обнаружены в бумагах императрицы Елисаветы».

«4/16 июля.

Если бы я сама не читала это, возможно, у меня оставались бы какие-то сомнения. Но вчера ночью я прочитала эти письма, написанные Охотниковым, офицером-кавалергардом, своей возлюбленной, императрице Елисавете, в которых он называет ее “*ma petite femme*”, “*mon amie, ma femme, mon Dieu, mon Elise, je t’adore*” (“Моя женушка”, “мой друг”, “моя жена”, “мой Бог”, “моя Элиза”, “я обожаю тебя”) и т. д. Из них видно, что каждую ночь, когда не светила луна, он взбирался в окно на Каменном острове или же в Таврическом дворце (*im Taurischen Palast*), и они проводили вместе 2–3 часа. С письмами находился его портрет, и все это хранилось в тайнике, в том самом шкафу, где лежали портрет и памятные вещи ее маленькой Елизы, — вероятно, как знак того, что он был отцом этого ребенка. Мне кровь бросилась в голову от стыда, что подобное могло происходить в нашей семье, и, оглядываясь при этом на себя, я молила Бога, чтобы

он уберег меня от такого, так как один легкомысленный шаг, одна поблажка, одна вольность — и все пойдет дальше и дальше, непостижимым для нас образом.

“Chère Elisa, permets-moi de Te donner un conseil ju plutôt une prière très humble: ne change pas l’heure de Ta promenade, cela pourrait parâitre singulier et frapper l’Empereur. Rappelle-Toi ce qu’il T’a dit l’autre jour” (“Дорогая Элиза, позволь мне дать тебе один совет, а вернее, не откажи в небольшой просьбе: не меняй время твоей прогулки, это сможет показаться странным и встревожит Императора. Вспомни, что он тебе говорил намедни”). В другом месте написано: “Sois tranquille, la sentinelle ne m’a pas vu, mais j’ai cassé les fleurs devant Ta fenêtre” (“Не беспокойся, часовой меня не видел, однако я поломал цветы под твоим окном”), затем идут чудовищные любовные заверения: “Si je T’ei fait de peine, pardonne — la passion entraîne et comme qu’au desir, que la femme adorée cède à nos vœux, qu’elle nous cède ce qui est plus pour elle que la vie” (“Если я тебя чем-то обидел, прости — когда страсть увлекает тебя целиком, мечтаешь, что женщина уступила бы нашим желаниям, отдала все, что более ценно, чем сама жизнь”). Чувствуется, что он испытывал настоящую страсть; он любил женщину, а не императрицу; он обращается к ней на “ты”, называет ее своей женой, потому что уже привык к этому и не может смотреть на нее иначе. Он говорит о назначенном свидании, мечтает, чтобы ночь была безлунной, так как только в темноте он может отважиться забираться по стене. Однажды он заболел и был вне себя, что не придет к ней. По-видимому, передавала письма и была посредницей некая М(adame)*. Когда императрица еще носила свою Елизу, он умер в страшных мучениях; она узнала об этом, и в то время по ней действительно было видно, как тяжело она страдает и скорбит, о чем рассказывала мне императрица-мать».

Вот что записала Александра Федоровна и что дошло до нас. Таким образом, тайны своей Елисавета Алексеевна не унесла в могилу. Несмотря на все “auto da fé” (сожжение), Николаю Павловичу не удалось наложить печать молчания на эту любовную драму, потому что женщины останутся женщинами, и несчастный дневник супруги его обнаружил то, что могло пребывать в вечности.

Гораздо более непонятно отношение императрицы-матери к невестке при ее жизни касательно той же злополучной истории. Мария Федоровна испытала, по-видимому, необходимость посвятить в семейные тайны своего секретаря Вилламова⁸, который, очевидно, занес свои впечатления на страницы дневника. Вообще во всем этом деле дневники сыграли особую роль, оказав непрошеную услугу памяти

---

* Княгиня Н. Ф. Голицына <...> (Примеч. в. к. Николая Михайловича).

такой светлой личности, какой была Елисавета Алексеевна. Прочтя то, что записал Вилламов, недоумеваешь, для чего и для кого понадобилось такое откровение императрицы-матери. Зачем эта неуместная болтливость с человеком хотя и преданным ей, но чужим для ее семьи. Весьма вероятно, что Вилламов сам удивлялся откровенности, которой он был удостоен, впервые услышав от вдовствующей государыни подробности романа с Охотниковым. Вот что повествует Вилламов:

«Вторник, 4 июня 1810.

Императрица вызвала меня к 13 часам и извинилась за беспокойство. Затем мы обсудили болезнь дочери императора (Зинаиды, дочери г-жи Нарышкиной⁹), состояние которой императрица находит плохим, практически безнадежным. По этому поводу императрица много жаловалась на императора, говорила, что, безусловно, эта связь достойна порицания, но было бы странно порицать его за привязанность к его детям. Она сказала, что императрица Елисавета могла бы порвать эту связь, что у ней были возможности для этого, что она сама впоследствии упрекала себя за слабость, что, возможно, она льет теперь горькие слезы, но что она все-таки резко обошлась с императором, что виноваты они оба и вот что значит женить детей так рано; что она увещевала в свое время императрицу Екатерину и говорила ей, что это не приведет ни к чему хорошему.

Среда, 5 июня 1810.

Я был на дежурстве. Беседа вновь шла о болезни дочки императора, и императрица опять заговорила об императрице Елисавете, похвалила ее за ум, однако сказала, что ее есть за что упрекнуть, и она безусловно сейчас от этого страдает, но что это была ее собственная ошибка; что она нашла в себе силы порвать эту связь и что даже теперь она могла бы вернуть императора, если пойдет на примирение с ним, но что она жестоко оскорбила его, что с самого начала она была настроена против него; что, когда он подходил к ней, чтобы обнять или поцеловать, она грубила ему; что, наконец, безнаказанно нельзя отталкивать своего мужа; что император полон уважения и внимания к ней, что у ней большая власть над ним, например, такие слова: “Этого хочется моей жене”, “таково пожелание моей жены” и т. д., являются для него руководством к действию; что она плохо с ним обращалась, что, несмотря ни на что, они нравятся друг другу, что если бы императрица Елисавета вышла замуж не раньше 20 лет от роду, а то и позже, то они были бы оба бесконечно счастливы; что, в конце концов, они оба полностью виноваты, но что император был вынужден искать связи на стороне, что Елисавета могла бы

этому помешать, что император все ей рассказал, рассказал о своих детях, что она все знает. Я позволил себе предположить, что его откровенность, возможно, имела целью заставить императрицу как-то по-другому реагировать. “О! — воскликнула она, — на нее это никак не подействовало!” Боже мой! Несмотря на уверения ее величества, я думаю, что несчастная женщина натерпелась горя, выслушивая подобные откровения, и я хорошо могу представить, до чего противны ей стали ласки этого человека при мысли, что, может быть, пять минут назад он дарил еще более нежные ласки другой. Она также выразила свое сожаление, что не сможет повидать больную девочку, ее, конечно, не преминут упрекнуть в холодности. Я согласился, что такое развитие событий никуда не годится. Она много жаловалась на императора. Я пообедал с императрицей. Из приглашенных был только Виолье.

Понедельник, 26 сентября 1810.

Я встал в половине десятого и увидел, что сад весь покрыт снегом, не спешившим таять, несмотря на яркое солнце. Я оделся и направился во дворец. Узнав, что императрица у великой княжны, которой прикладывали к груди пиявки из-за вздувания гланд, я спустился в канцелярию и приготовил несколько писем. Я также написал графине Бутурлиной¹⁰ и сообщил, что ее протеже была принята в Московский институт в качестве воспитанницы вместо покойной великой княжны Елисаветы. Наконец, я был вызван, и работа началась с просмотра бумаг и писем. Она спросила меня, видел ли я Балашова¹¹, и высказала замечания, что он не ответил и не поблагодарил ее за рескрипт, который она послала ему в связи с пожаром. Она расспросила меня о городских новостях и о том, что говорят об императрице Елисавете. Услышав в ответ, что я не слышал ничего, кроме хорошего, она помолчала и после туманных рассуждений о том, что Елисавета была неверна императору, поговорив о благородстве императора, который все ей простил, призналась, несмотря на мое сопротивление и нежелание слышать ничего плохого об императрице Елисавете, что двое детей императрицы Елисаветы были не от императора; что касается первого, были еще сомнения, и она не хотела этому верить, несмотря на черные волосы девочки, привлечшие внимание покойного императора, однако что касается второго, она полностью ошиблась, она приняла его за ребенка императора, хотя последний признавался, что не был близок с императрицей. Она полагала, что из-за ложного стыда он не захотел сознаться. После смерти малышки она узнала из беседы с ним, что это был результат второй измены императрицы. Она призналась затем, что Елисавета была в интимной связи с офицером

из кавалергардов Охотниковым, что этот человек, по слухам, очень красивый, умер во время родов императрицы и что именно из-за этого ей было так плохо; что поэтому ей никогда не было понятно поведение императора в отношении этого ребенка, его холодность к нему и к его матери, которую она всегда ставила ему в упрек, но что он признался во всем лишь после смерти ребенка, что в свое время она не могла понять некоторых выражений, вырвавшихся из уст императора, в которых намекалось на истинное положение вещей; что он спросил у нее, как определить ребенка и что она ответила, что по традиции девочка стояла выше своих сестер, но после своих братьев, так была признана его дочерью; что во время обряда крещения император признался, что чувствовал себя весьма двусмысленно; что поначалу он проявил мало внимания к новорожденному ребенку, но обрадовался, что это была девочка; что императрица Елисавета, признавшись императору в своей беременности, решила уйти, что император проявил по отношению к ней максимум благородства; что еще после первой неверности он захотел близости с ней, но она не захотела, очевидно, полагая, что она не заслужила этого, что теперь она сама захотела этого, однако он передумал, что она твердо убеждена, что больше измен не будет, если судить по поведению императрицы Елисаветы; но что император очень несчастен, так как весь мир сваливает всю вину на него, не зная истинного положения вещей. Она положительно отозвалась о характере и умственных способностях императрицы Елисаветы, о ее привлекательности, о ее манерах, о ее красоте, которые она ставит в пример своим дочкам, что трудно было бы поверить в это, если бы мы не знали ее с хорошей стороны. Когда я сказал, что Елисавета выглядит девственной, она согласилась со мной, однако обвинила ее во лжи, так как, узнав все об обстоятельствах беременности, она, вдовствующая императрица, сразу же предложила ей во всем признаться императору и помириться с ним. Однако Елисавета хладнокровно ее выслушала и настояла на том, чтобы ничего не говорить императору, потому что, если бы она призналась ему в своей ошибке, это означало бы, что она простила ему его измены. Еще она сказала, что, конечно, ни одна женщина, согрешившая ради любви, не предается разврату, но может увлечься своим героем, и тогда не удастся рассчитывать на собственный рассудок; что император, узнав о ее связи с Чарторыжским, поверил, что их отношения были чисто платонические, что он был как громом поражен, когда узнал о последствиях, никак не мог поверить, но особенно после второй истории, не захотел более близости, поскольку императрица обманула его, и что, к сожалению, многие знают, что в первый раз императрица согрешила из-за малого внимания к ней с его стороны, из-за того, что она вышла замуж слишком рано. Она

обвиняла графиню Шувалову, затем покойную княгиню Голицыну, родственником которой был и Охотников. Она сказала, что ему воздвигли памятник на Невском, сразу за мостом, — сломанное бурей дерево, что так как его близкие были людьми бедными, то это именно Елисавета воздвигла его и даже ходит к нему иногда. Наконец, она велела мне поклясться и никому не говорить обо всем услышанном, даже моей жене и сестре. Я не мог, однако, сказать, что ничего не знал до нашего разговора. Что касается первой интриги, я слышал о ней, но считал это неправдой. Но ни о второй истории, ни об Охотникове я понятия не имел. Я поужинал при дворе и провел вечер в компании Греневицев. Г-жа императрица-мать также присутствовала на ужине, во время которого передала мне желе с пуншем».

Читая вышеприведенные документы, невольно испытываешь чувство досады, что то, что могло остаться святой тайной и оставалось таковой даже для огромного большинства современников, дошло до нас вследствие обидной потребности двух женщин выложить свои чувства негодования, одной — на бумаге, другой — на словах. И, несмотря на эти ненужные подробности, образ Елисаветы остается для нас привлекательным, милым и недоступным.

Остается еще выдержка из записки гувернантки, находившейся в ту пору в доме Охотниковых:

1805–1807.

«Кто из нас может отрицать блеск и шикарность российского императорского двора этого времени и грацию, красоту и всевозможные добродетели императрицы, которая была главным украшением двора. Найдется ли хоть одно русское сердце, не тронутое нежными воспоминаниями об этом небесном ангеле, об этой очаровательной и благодетельной царице, так жестоко отвергнутой от всего того, что было для нее самым близким, столь же достойной во всех отношениях более счастливой участи? При дворе, где господствовала Екатерина, удивителен ли тот факт, что Александр, поработанный и околдованный самым соблазнительным образом, что могли создать сладострастье и распущенность, отбросил бремя супружеского долга, как тяжелые цепи, вместе со всеми своими обещаниями счастья очаровательной женщине, с которой его связала судьба? У Елисаветы не было возможности даже для того, чтобы поплакать о своем горе; в это время были запрещены выезды за границу для коронованных особ (то есть для женщин императорской семьи): они не могли покинуть их новую родину без веских причин, и любая поездка с целью отдыха была не просто запрещена, она считалась политически вредной. Живя вдали от своих, заброшенная своей новой семьей, несчастная царица изнемогала

под тяжестью своего горя. Родив двух детей, она все равно не смогла сохранить ни одной ниточки, которая бы связала ее с сердцем своего мужа, весьма ветреного, а дьявольские интриги подлых придворных, удаляя от нее императора, положили конец всякой надежде на возможное счастье. Император, сам игнорируя свой супружеский долг, был строг и суров в отношении своей жены, на которую имел все права; ревнивый скорее от собственной гордости, чем от любви, он окружил ее шпионами, сообщавшими ему о каждом шаге царицы, превращая ее справедливую горе и одиночество в преступление, хотя не было ни одного свидетеля ее неверности. Несчастливая царица, вынужденная возглавлять пышные дворцовые праздники, должна была улыбаться, несмотря на душевную муку, закрывать глаза на триумфы соперниц и с покорностью принимать официальные знаки внимания и почтения, которые, согласно этикету, оказывал ей при всех ее супруг. Но возможно ли было, увидев однажды эту интересную женщину, не полюбить ее. И если сердце императора отказалось воздать ей должное, другие же видели в ней истинную, неисчерпаемую сокровищницу любви и очарования. Она стала объектом обожания для всех придворных, не считая, конечно, дворцовых волокит и куртизанов, которые потеряли свое право называться мужчинами, эти мерзавцы, для которых лишь амбиции имеют значение, удовлетворению которых они и посвятили самих себя. А так вся гвардия, эта истинная элита русской знати, была сердцем и душой предана императрице; для гвардейцев видеть ее было счастьем, служить ей — высшим блаженством; в то время как Елисавета страдала в тишине, не одно чистое сердце горело для нее.

Среди блистательных офицеров императорского Генерального штаба выделялся молодой человек в звании капитана гвардии, личные заслуги которого были известны монарху. Призванный по долгу службы постоянно находиться рядом с их величествами, этот молодой человек позволил себе опасное счастье любоваться своей царицей. Их многое разделяло, однако любовь, как молния, сверкнувшая в его сердце, отразилась эхом в ее душе. Он осмелился поднять на нее глаза; несчастная царица, впервые встретив подобную симпатию, которую она так тщетно искала, позволила себе радость любви и быть любимой, не заботясь о той опасности, которая обязательно должна была угрожать тому сердцу, так нежно преданному ей. Молодой человек привязался к ней со всей силой чистого чувства; видеть ее каждый день, осмелиться сказать ей, что без нее ему не жить, — таковы были самые сокровенные желания этой прекрасной души; и, если вдруг и появлялось у него желание обладать ею, воспоминание о том, чем только она рискует и сколько ей необходимо смелости, чтобы продолжать их невинные встречи, заставляло его сразу отбросить подобные желания, как недостойные, как подлые, отбросить

любую мысль, которая могла бы унижить и осквернить ту, для которой честь была дороже самой жизни. Он был ее хранителем. Этот нежный союз сердец, созданных для того, чтобы впоследствии встретиться, оживил потухшее существование Елисаветы; будучи невинной, она не испытывала угрызений совести; счастье и радость той чистой любви, которую она так искренне переживала и смущения от которой она совсем не испытывала, отражались на ее красивом лице. Прошли два года, ничто не должно было нарушать счастья этих двух сердец; увы! Можно ли верить, что Небеса в награду за их добродетель подарят им долгие дни спокойствия и счастья? Но пути Господни неисповедимы!.. Красота императрицы, ее ангельская нежность разожгли в сердце ее шурина жестокую страсть. Константин, влюбленный, осмелился сделать признание и был отвергнут с таким презрением, на какое она была способна. Взбешенный монстр поклялся отомстить. С яростным упорством он стал следить за каждым шагом своей невестки и обнаружил объект ее нежной любви. Но, человек по натуре грубый, он не представлял себе любви без преступной страсти, поэтому обвинил ее в неверности мужу и решил погубить их обоих. Тщетно искал он средство достичь своей цели и раскрыть преступление, которого не существовало, тщетно пытался он застать императрицу наедине со своим любовником. Елисавета, всегда сопровождаемая своей фрейлиной, которая никогда с ней не расставалась, сумела раскрыть планы злодея. Однако пока невинность спит, преступление бодрствует, и несчастная царица скоро испытала это на себе.

На спектакле, поставленном придворным театром в ее честь, собрался весь город. Это было осенью, ночь была темной и дождливой, несмотря на уличные фонари, улицы были полутемными, вдоль стен тянулись большие черные тени, и казалось, что они сплетаются и исчезают в темных проулках у дворцового театра, так что глаз не мог отличить окружающие предметы; ветер дул и завывал, как дикие звери, и всякий, кто зачем-либо вышел бы из красивого, ярко освещенного зала, был бы подавлен той мрачностью, которой веяло от этого темного и таинственного места. С левой стороны был вход для постоянных театралов, но некоторые офицеры личной охраны их величеств обычно оставляли возле этого входа свои экипажи, чтобы быстрее их найти по выходе из театра в момент отъезда императорской семьи. В тот вечер, едва экипаж императрицы подъехал к парапету, один молодой человек, одетый в широкое меховое пальто, появился у углового темного выхода и вызвал свои сани. Подозрительные личности окружили его: молодой военный, прижатый к стене, окруженный со всех сторон, решил проложить себе путь сквозь толпу; в тот момент, когда он выхватил свою шпагу и при этом распахнулась шинель, приоткрыв его

роскошный мундир, ему нанесли сильнейший удар кинжалом в бок и сильно ранили его. Несчастный зашатался и упал на руки своего друга. “Быстро экипаж,— произнес он слабеющим голосом,— я знаю, кто меня ударил; пусть не радуется своей победе! Отвезите меня домой, моя рана не должна быть серьезной, я смогу жить”. И, пытаясь одной рукой прикрыть рану, чтобы остановить кровотечение, он другой рукой оперся на преданного товарища и с трудом добрался до своего экипажа. К несчастью, он потерял много крови по дороге и потерял сознание.

По приезде домой его положили в постель. Его слуги, заплаканные, потрясенные горем, не знали что и думать, как объяснить несчастье, происшедшее с их хозяином, рыдая, они окружили его, покрывая поцелуями и слезами, заранее оплакивая его смерть. Однако было сделано все возможное. Знаменитый доктор С., приглашенный к умирающему, прибыл немедленно. Больной, придя в себя, открыл глаза. “Идите, друзья мои,— сказал он, обращаясь к прислуге,— прекратите ваши сетования и жалобы, вы можете ими только повредить мне”. Тогда слуги, подумав, что речь идет о дуэли, в которую был втянут их хозяин, и зная суровые законы относительно дуэлей в армии, решили хранить все события в секрете, выполняя приказания своего хозяина и наказы доктора, объявившего, что болезнь может быть осложнена воспалением. Однако еще раз осмотрев рану больного и тщательно ее обработав, С. не нашел ее очень опасной и заявил, что если рана закроется через две недели, он отвечает за его жизнь. Он прописал покой, и, желая получше судить о состоянии больного, решил провести ночь возле него. Ему постелили походную раскладушку рядом с кроватью раненого, и он лег. Посреди ночи доктор вскочил, разбуженный чьими-то шагами: кто-то ходил по комнате. Он подошел к постели больного и не обнаружил его. Удивленный и встревоженный, он открыл дверь соседнего кабинета и обнаружил несчастного, полулежащего на софе; на столе лежало наполовину написанное письмо; он писал до тех пор, пока силы не оставили его. Это письмо было адресовано к ней, он хотел ее подбодрить, успокоить, попросить не верить различным сплетням: увы! он знал, какое удовольствие доставит некоторым передать ей подобные слухи. Растроганный, расчувствовавшийся до слез доктор попытался привести его в чувство; он высказал ему свое беспокойство, он говорил с ним от имени той, кто ему дороже всего, призывал его успокоиться, следить за собой, приложить все усилия к выздоровлению, обещая ему жизнь и счастье с ней. Тщетно! Это недописанное письмо отняло у него последние силы; доктор поклялся передать это письмо ей лично, приложил все силы, чтобы помочь раненому, пообещал остаться с ним до утра и не покидать до того момента, пока тот не ляжет отдохнуть. Однако жар и упадок сил вскоре последовали вслед

за первым кризисом; рана была слишком глубокой, чтобы окончательно зарубцеваться; и в конце третьей недели непрерывного лечения доктор пришел к ужасной уверенности, что этому молодому человеку, такому интересному со всех точек зрения и достойному жить, суждено вскоре увидеть конец своей прекрасной и короткой жизни...

Шло время, зима подходила к концу, ничто не принесло облегчения страданиям несчастного больного. Его душевные страдания ухудшали его физическое состояние; вскоре оно стало критическим, и, не заблуждаясь более по поводу своей судьбы, он решил привести в порядок свои дела; также он потребовал к себе дорогого брата, который до сих пор ничего не знал о его болезни, но который по первому зову немедленно поспешил к нему. Встреча двух братьев так растрогала их обоих, что здоровье несчастного сильно ухудшилось; он поведал своему другу обо всех своих несчастьях, и тайна, в которой он признался, открыла глаза его другу на ту опасность, которой он подвергался, и ему стала ясна причина его преждевременной смерти. Его брат поклялся хранить тайну в секрете, однако его горе не стало от этого менее искренним. Открывшаяся правда стала ему как удар в сердце ножом, но, верный своему слову, он унес с собой в могилу через много лет страшную тайну, которую не узнали ни его жена, ни его дети. Но какова же тайна, не раскрытая ни рано, ни поздно? Преступление, унесшее жизнь несчастной жертвы, стало известно, а память об ужасном злодее, убийце, всегда будет полна ненависти. А тот, кто обожал Елисавету, даже смерть принял храбро, без дрожи. Страх скомпрометировать ее причинял ему великие страдания, увеличивая боль, раздиравшую его. В то время как несчастный молодой человек боролся еще с неумолимой смертью, дама его сердца, удрученная тоской, думала лишь о возможности прийти к нему и смягчить ужас его последних мгновений. Она не думала более о своем достоинстве: преисполненная любви, она была готова пожертвовать всем, чтобы только оказаться подле него; общественное мнение во всем мире при дворе, свое императорское звание — ничто не могло ее остановить. Однако ей приходилось помнить, что она находится под властью деспотичного мужа, который не только следил за каждым ее шагом, но и располагал ее личной свободой; что любой неосторожный поступок с ее стороны может привести к лишению ее надежных друзей и лишению ее последней надежды, единственной, которой она жила, — надежды сгладить своим присутствием последние минуты несчастного, который пожертвовал жизнью ради нее. Полностью доверившись своей фрейлине, она решила предоставить той инициативу действий и слепо слушаться ее. Доктор С... вызвался подготовить больного к радостной новости, о которой он и не смел мечтать. Однако едва он произнес первое слово по этому поводу, как

волнение, радость и благодарность охватили больного с такой силой, что он едва не испустил последний вздох. Придя в себя, он с трудом сумел сдержать излишнюю резвость; он позвал своего брата, взял его за руку и, нежно пожав ее, сказал: “Не огорчайся, если я попрошу тебя оставить нас одних, когда она придет, дай мне возможность сохранить в секрете эту последнюю милость, и если ты хочешь способствовать последним мгновениям моего земного блаженства, проследи, чтобы никто нас не беспокоил”.

В семь часов вечера вернулся доктор; молодой человек захотел, чтобы его приподняли на кровати и переодели в гвардейскую форму. Все, что было элегантно и шикарно для украшения комнаты умирающего, было приготовлено, чтобы сделать это посещение достойным приема его августейшей подруги. Самые редкие цветы придавали квартире радостный вид праздника, мало соответствующего состоянию хозяина, достойного жалости, лежащего в темной постели, в тени больших шелковых штор. Свидание было назначено на 9 часов. Больной в ожидании его был взволнован до предела; глаза его были постоянно устремлены на часы; жизнь его, казалось, была сосредоточена на кончике его губ, сквозь которые вырывалось прерывистое дыхание. Его впавшие от страданий щеки были покрыты нездоровым румянцем от жара, его тело дрожало, как от соприкосновения с электрическим разрядом, его душа, казалось, летела навстречу его земному божеству.

Вдруг звук прибывшего экипажа возвестил о прибытии той, которая держала его жизнь в своих руках. Доктор вышел встретить ее, но быстрее молнии Елисавета уже оказалась у кровати больного. Ее рука погладила голову молодого человека, в то время как потоки слез окропили его лицо. Они оба заплакали, обрывочные слова сквозь рыдания были единственными свидетельствами их общей муки. В последнем усилии молодой человек схватил ее руку и покрыл жгучими поцелуями, в то время как склонившись над ним в порыве глубокого отчаяния, Елисавета видела лишь милые черты, искаженные страданием, мертвенную бледность, просвечивающую сквозь румянец от жара, и ужасную уверенность в том, что это родное существо должно покинуть ее навсегда. Однако она собрала все силы и постаралась успокоиться и внушить ему спокойствие, в котором он так нуждался, присев рядом с его постелью, она говорила с ним, как и раньше, улыбалась ему сквозь слезы. И рассказывала ему о счастливом и спокойном будущем, в которое сама уже не верила. Но молодой человек смотрел на нее и слушал ее с недоверчивой улыбкой; его рука, которую он спрятал в ее ладонях, легким нервным подрагиванием свидетельствовала о страданиях нежного сердца. Он хотел насытиться ее видом, запечатлеть в своей памяти каждую ее черточку, в то время как его глаза, глядящие в ее глаза, каза-

лось, испрашивали о милости, о которой не смел попросить рот. Время шло, и вот пробил час расставания; Елисавета поняла желание своего возлюбленного: она прижала свои губы к губам молодого человека, и первый поцелуй любви закрепил окончательное расставание навсегда. “Благодарю, я умираю счастливым, — прошептал он, — но прошу лишь одну частичку вас, которую я мог бы унести с собой”. Локон волос упал на грудь молодого человека, в то время как легкая, как ветер, тень скользнула и исчезла в дверях квартиры. Итак, свершилось! Они не смогут более увидеться в этом мире!..

Юный умирающий схватил этот бесценный залог любви и прижал к своему сердцу; прекрасные волосы, которыми он так любил любоваться на прекрасной головке, были единственным, что осталось от той, которой была полна его душа. Оцепенение после ухода Елисаветы сменились у него глубоким отчаяньем, и охватившая его горячка сделала его состояние безнадежным. Ночь была ужасной, однако к утру он успокоился и попросил своего духовника. Получив всю помощь церкви, исповедовавшись, он вызвал своего брата и обратился к нему с прощальными, трогательными словами. “Этот портрет, — он показал ему медальон из золота, украшенный брильянтами, — этот медальон, который на мне, и этот локон волос должны быть мне оставлены, и я хочу, чтобы их положили вместе со мной в могилу”. Затем, вручая ему лакированную шкатулку с золотым замочком, он добавил: “Передай это, друг, после моей смерти тому, кто зайдет за ней. Теперь я, думаю, все сказал, все распоряжения отданы, ты, надеюсь не оставишь моих бедных слуг, я это знаю: к тому же ты — основной наследник всего моего имущества”. Затем, сняв с себя перстень с брильянтом, который он всегда носил, он вручил доктору на память; попрощавшись со всем домом и, чувствуя, что умирает, он медленно закрыл глаза. Доктор подошел к нему, чтобы проверить пульс; умирающий приоткрыл глаза, увидел его лицо, полное слез, пожал ему руку и знаком подозвал своего брата. “Прощайте, друзья мои, — произнес он слабым угасающим голосом, — я покидаю вас”. Это были его последние слова; его смерть была такой же спокойной, как его жизнь была чистой и прекрасной. Он умер в возрасте 26 лет, будучи дорогим и оплакиваемым всеми теми, кто его знал.

А что стало с той, любовь к которой стоила ему жизни? Как восприняла ужасный конец этой жестокой драмы? Увы! Несчастливая царица, вновь брошенная в бездну опустошенности, из которой она вырвалась на мгновение, благодаря счастью быть любимой, решила своей жизнью заплатить за горькую печаль, угнетавшую ее. Не боясь более за него, она отдалась всей силе своего горя. Ему уже не грозил гнев императора: у него было надежное убежище, а она была готова вынести все. Решившись

увидеть еще раз дорогое лицо любимого, она отправилась к нему, когда там шли приготовления к похоронам. Она хотела от души поплакать и дать таким образом выход своей боли, освободиться от ужасного напряжения, которое она постоянно испытывала. Одета в длинные траурные одежды, покрытая черной вуалью, которая скрывала ее лицо, она пришла вечером в означенное место в сопровождении ее преданной фрейлины, одетой, как и она. Брат умершего, предупрежденный заранее, привел обеих женщин в комнату с телом и удалился. Сюда она приходила поддержать его живого, сюда же она пришла сказать ему последнее “прощай”. При виде его прекрасного лица, которое смерть не смогла изменить, Елисавета, охваченная неподдельной болью, подошла, встала на колени рядом с гробом и оросила его своими слезами, прося покоя для души своего любимого. Ее фрейлина, не смея тревожить ее, стояла тихо поодаль, ожидая ее, пока скорбящее сердце успокоит свои чувства и облегчит страдания, бьющие через край. Пав ниц пред ликом Спасителя, Елисавета долго молилась и, наконец, успокоившись, благодаря своей набожности, она нашла в себе смелость попрощаться с человеком, которого она так любила, и еще раз взглянуть на дорогое лицо*. Подойдя к гробу, она поцеловала его в бледный, без кровинки, лоб; этот поцелуй стал последним знаком нежности, любви, затем, повернувшись к своей компаньонке, она взяла ее под руку, и они вышли из квартиры и сели в экипаж.

На следующий день некая придворная дама попросила встречи с братом умершего: у ней было секретное поручение, она попросила забрать лакированную шкатулку, которую он и передал ей. Получив ее, дама попросила также разрешения на установку надгробного камня на могиле молодого человека. “Не откажите, ведь это не ущемляет ваших прав,— сказала она.— Одна хорошая знакомая хочет оказать этот грустный долг памяти умершему”. Через 6 месяцев после этого великолепный памятник вырос над могилой, где покоятся останки самого лучшего и самого обаятельного из мужчин. Красота мрамора и искусство отделки привлекали всеобщее внимание. Памятник представляет собою скалу, возвышающуюся над надломленным от удара молнии дубом; под скалой на коленях стоит некая фигура с погребальной урной в руках. На урне выгравированы имя умершего, дата смерти (“Здесь погребено тело Кавалергардского полку штабс-ротмистра Алексея Яковлевича Охотникова, скон-

---

* Любовь Елисаветы к Охотникову была до того чистая, хотя и страстная, что нам кажется, это служит лучшим доказательством, что эта любовь была первая, а потому мы не верим рассказам о романе ее с князем Чарторыжским. (Примеч. в.к. Николая Михайловича).

чавшегося генваря 30 дня 1807 года, на 26 году от своего рождения...”). Могила, ранее всегда ухоженная, сейчас в запустении. Но и сейчас, любясь ею, можно догадаться, чьими руками она была воздвигнута.

Современники повествуют, что императрица очень часто посещала могилы любимых детей-младенцев, погребенных в алтаре Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Могила Охотникова находилась на Лазаревском кладбище, всего в нескольких шагах от церкви, и, конечно, Елисавета одновременно бывала у нее и молилась. Графиня Головина, бывшая летом 1808 года в Петербурге, не упустила случая сделать намек на эти посещения в своих записках, говоря, что императрица срывала растущие на какой-то могиле анютины глазки и брала эти цветы с собой на память».

Наконец, приведем отрывки дневника сестры императрицы, принцессы Амалии Баденской.

«1807.

Январь, среда, 30-е. Какой грустный, какой несчастный день. Не могу вспомнить, что я делала с утра до вечера, разве что все время плакала, одна в моей комнате и вместе с моей несчастной сестрой. Бог мой, ей есть о чем плакать!

Четверг, 31. День прошел как вчерашний, за исключением нескольких визитов, измучивших меня...

Какое мучение, что даже невозможно поплакать спокойно наедине!

Февраль, пятница, 1. Остаток вечера я провела с моей бедной сестрой, чье истинное горе меня так затрагивает саму, что я не могу этого выразить. Все мои мысли заняты ее несчастьем, я даже забываю про себя. О, Боже! Я готова всем пожертвовать, лишь бы облегчить ее страдания!

Суббота, 2. Прибыла Голицына; ее свидание с Элизой было очень грустным. Я была вынуждена выйти ужинать с К. Строг., которая мне изрядно досаждала. Он (кн. И. И. Барятинский) также присутствовал, но я не испытывала радости от общения с ним, наоборот, его вид вызвал у меня массу прискорбных мыслей, хотя и туманных. После ужина мне пришлось составить на долгое время компанию графине Шв., в то время как все мои мысли были вокруг моей бедной сестры, которую я оставила одну, полную сожалений. Прибыла Ант. * — тоже не вовремя. Между тем пришел император, сияющий от радости, чтобы объявить о своем карточном выигрыше; какое искреннее удовлетворение я почувствовала бы в другое время!

---

* Антуанетта Вюртембергская, урожденная принцесса Кобургская (*Примеч. в. к. Николая Михайловича*).

Воскресенье, 3. Сегодня утром ко мне зашла Гал.; мы много и долго говорили о сестре. Вместе пообедали. Затем пришли императрица и Антуанетта, у которой я провела позже время, оставив сестру с С. Вернувшись в половине десятого, мы провели остаток вечера в грустной беседе с моей бедной сестрой. Я стараюсь заставить ее больше говорить, мне кажется, что это ее отвлекает. Ach Gott! Gebe ihr Trost in ihrem Leiden (О, Боже! Пошли ей утешение в ее страданиях).

Понедельник, 4. Так же, как и вчера. Мои дни полностью похожи один на другой. Сегодня утром у меня были Гал. и К. Строг. Мы вместе пообедали, затем побывали у императрицы; это был первый выход моей сестры за последнее время. Он был для нее весьма тягостным. Возвратившись, я написала великой княгине Марии *. С. пришла в 8.30 и я отправилась к Ант. на часок. Вечер, как всегда, прошел в беседах и слезах.

Вторник, 5. ...Мы пообедали большой компанией, это было весьма тяжело для моей бедной сестры, но я рада уже тому, что она все же решилась показаться на людях.

Четверг, 14. ...В 8.30 я отправилась к г-же де Рен, чтобы посплетничать, я не узнала nichts erhebliches (ничего значительного), достаточно справедливого, о моей сестре.

Суббота, 16. Я почитала и отправилась к малышке, затем, когда пришла С., мы навестили Гал. Я вернулась поужинать с моей сестрой. Мы с ней поговорили, но разговор был мне в тягость, хотя и не узнала ничего нового. Я давно заметила, что мы многие вещи ощущаем по-разному, поэтому нелегко с ней общаться. Она не должна судить меня со своей точки зрения, она никогда не сможет до конца оценить ту заботу, которую я проявила по отношению к ней в ее беде, так как сама она не способна оказать подобную услугу мне. Несчастливая привычка все воспринимать исключительно через себя сделала ее такой безразличной к другим, so untheilnehmend! (такой индифферентной), что сильно затрудняет общение с ней. Если она была такой, даже когда была счастлива, то что будет сейчас, когда она становится просто immer verschlissener (все более замкнутой)? Она меня несколько раз упрекнула за то, что я никогда не говорю с ней о себе, однако что я могу сделать, когда я замечаю в ней так мало интереса ко всему, кроме самой себя. И это в то время, я повторяю, когда она была счастлива! Бог да сохранит меня от упреков сейчас, в тяжелое для нее время! Так что необходимость nach einem theilnehmenden Wesen (сопереживания), вот что заставило писать этот дневник, который я заполняю каждый день. Я не нашла того, что искала, и мне необходимо высказаться,

---

* Великая княгиня Мария Павловна (Примеч. в.к. Николая Михайловича).

пожаловаться кому-либо. Никто не прочитает этих записей: я не упрекаю себя в том, что однажды решила излить свою душу на бумаге, мне стало это необходимо.

Июнь, среда, 26. Встала в 8 часов, а в 9.00 я отправилась на Стрельну с маленькой Рен. Вместе с Гал. мы совершили небольшую прогулку по морю, которая меня разочаровала: меня четыре раза тошнило, так что мы поспешили вернуться пораньше. Если мы собрались в 9.00 часов, то вернулись сюда уже в 11 часов. Я не ожидала, что меня примет, да еще так ласково, моя сестра, которую я так люблю. И почему? О, Боже! Потому что перед уходом я поцеловала ее ребенка, в первый раз в моей жизни. Сколько слез стоила мне наша беседа, сколько горьких слез! Мое сердце глубоко и уже давно ранено. Сейчас, уже после этой беседы, я понимаю, что хорошо, что она все же состоялась. Но я никогда не смогу забыть причины этого теплого приема! Боже, сделай, чтобы я смогла это забыть! Освободи мое сердце от горечи!

Декабрь, 19. Дама * ночью родила девочку. Император сообщил об этом моей сестре и предъявил права на ребенка, хотя девочка, конечно, была не от него **. Это меня беспокоит, хотя при данных обстоятельствах он должен благодарить небо, что это девочка. Меня больше всего возмущает, что император говорит об этом моей сестре, словно она не его жена. Это наводит на прискорбные мысли, которые не дают мне покоя, хотя время не стоит на месте. Император вел себя бесстыдно, присутствовав при родах у этой женщины; мне тяжело видеть, что он теряет голову, ведь в глубине души я его нежно люблю».

Этими данными ограничивается все то, что дошло до нас о любовной драме. Те времена изобиловали всякими романами, и к ним общество относилось снисходительно, потому что почти в каждой семье были подходящие случаи. Но Елисавете пришлось много выстрадать раньше, чем решиться на преступный шаг, и последствия этого решения принесли ей одно разочарование и горе. То, что легко сходило с рук для многих, ставилось ей в вину теми, которые сами могли дать повод к критике.

Пока Александр увлекался прелестями Нарышкиной, радовался быть отцом, Мария Антоновна преспокойно и почти открыто жила с князем Г. Гагариным, который и был настоящим отцом последовавших детей. Этот факт не был даже секретом для французского посла Коленкура, который и доносил о том Наполеону. Принцесса Амалия была известна своим легким поведением, и все знали о ее

---

* М. А. Нарышкина — (Примеч. в.к. Николая Михайловича).

** Князя Григория Гагарина¹² — (Примеч. в.к. Николая Михайловича).

связи с кавалергардом Давыдовым и не удивлялись ее горю, когда сей Давыдов вздумал жениться. Оттого нас и поражает та несправедливость, то злорадство, которые просвечивают ярко по отношению к Елисавете. И от кого же? От лица вдовствующей императрицы! Между тем сама вдовствующая императрица позволяла себе многое, и никто из современников не смел ее порицать за это. Если секретарь ее, Вилламов, был ошеломлен ее ненужными разоблачениями, то мы тем более имеем полное право недоумевать... и недоумеваем.

Да ниспадет же завеса тайны на эту мимолетную слабость, на эту чистую любовь, и да предастся все это забвению.

Интересны выписки из различных произведений, сделанные императрицей в одной из записных книжек. Книжки эти принадлежали, по кончине ее величества, фрейлине Валуге¹³, после ее смерти — Н. М. Лонгинову и перешли по наследству княгине Козловской, рожденной Лонгинова. Княгиня подарила их великому князю Сергею Александровичу¹⁴:

«Июль 1807 г.

О, друг единственный! От смерти пробудись
И тенью легкою вокруг меня носись;
Пролей во грудь мою отраду упования,
Скажи, что ждешь меня к скончанию страданья,
Скажи, что скоро ждешь, что скоро близок час,
Который съединит в гробе должен нас».

«Май 1807.

I hear a voice, you cannot hear,
Which says, I cannot stay;
I see a hand you cannot see,
Which beckons me away».

(Перевод:

«Я слышу голос, которого вы не слышите,
Который говорит, я не могу остаться,
Я вижу руку, которую вы не видите,
Которая манит меня в даль»).

